

За дворцовыми стенами Ли Сюньхуань — образцовый молодой человек с кристально чистой душой и безупречными манерами — мысленно принял решение безвозмездно передать «Сокровищницу Ляньхуа» в казну государства.

Тем временем в самом дворце Его Величество — тот самый правитель, которого Ли Сюньхуань столь наивно считал человеком широкой души, — вовсе занимался откровенным принуждением к непотребству.

В деле Банды Денежного Листа у Чжугэ Чжэнво имелись варианты и поудачнее, однако глаза Чжао Цзи уже застилала черная пелена чистейшей вредности и жажды мести. Он уперся рогом: Лэнсюэ должен прикинуться принцессой, и точка.

Лэнсюэ чувствовал, что у него волосы встают дыбом. За все девятнадцать лет это было едва ли не худшее безвыходное положение в его жизни. Собрав волю в кулак, он попытался возразить:

— Но... Ваше Величество, телосложение вашего слуги да и цвет волос... они совершенно не подходят под женский образ.

Никогда прежде Лэнсюэ так страстно не любил свою буйную изумрудную шевелюру, как в эту минуту.

Чжао Цзи смерил его оценивающим взглядом. Зеленые пряды и яркие глаза — пустяки. Пряди можно перекрасить, а необычный взор спрятать под опущенными веками.

Однако Лэнсюэ действительно превосходил императора ростом, да и крепкие, рельефные мышцы слишком уж явно выдавали в нем мужчину, разительно отличаясь от хрупкого сложения государя.

Чжао Цзи недовольно цыкнул и кивнул:

— Твоя правда. Слишком заметно.

Юноша втайне облегченно перевел дух. Но Чжао Цзи тут же круто переменял направление мысли:

— Что ж, тогда платье примерит Шэн Яюй.

Уцин лишился дара речи.

«Как вообще можно было столь непринужденно перевалить эту напасть на меня?»

— Ваше Величество, пощадите... Мои ноги... — Уцин не договорил, лишь красноречиво опустил взгляд на свои колени.

Намек был более чем очевиден.

— Прекрасное оправдание, — беззаботно отмахнулся Чжао Цзи. — Скажем, лезла ночью через стену, там ее и покалечили.

Каждым словом император тонко, но ядовито напоминал Уцину:

«Помни, дружок, это ведь ты сломал мне ногу»

С этими словами он подобрал с земли женское платье и бесцеремонно всучил его Уцину.

— Хоть гвардейцы Юйлинь из свиты левого генерала и не успели толком ничего разглядеть, я уверен, что со зрением у моих воинов всё в порядке. Так что это платье, его будущая хозяйка и вся ее душещипательная история ложатся на плечи генерала Чжугэ, а также почтенных посланников Лэн Линци и Шэн Яюя.

Посыл Чжао Цзи был прост до предела: раз уж вы пробили брешь в небесах, вам эту прореху и латать. Избавлять их от хлопот и самолично сочинять небылицы император не собирался. Более того, он твердо решил переложить на них подобные заботы и на будущее.

На этом вопрос закрыли.

Переведя дух, Чжао Цзи переключился на другие дела и обратился к Чжугэ Чжэнво:

— Каково мнение левого генерала о деле Цуй Мина, которое я упоминал ранее?

Вопрос, строго говоря, совершенно не соответствовал дворцовому уставу.

Чиновники империи строго делились на гражданских и военных, и расследованиями надлежало заниматься судьям да управе Кайфэна. С какой стати император обходит надзорные ведомства и расспрашивает о деталях уголовного дела командующего столичной гвардией?

Но в том-то и беда, что один без тени смущения спрашивал, а другой с готовностью отвечал.

Чжугэ Чжэнво не зря в свое время лишился расположения при дворе. Не глупый человек, он совершенно не выносил велеречивых недомолвок и витиеватых придворных интриг. Коль скоро государь обратился к нему напрямую и без церемоний, генералу незачем было кривить душой и разыгрывать показное благоговение.

— Прежние выводы Вашего Величества верны, — лаконично отозвался он.

Чжао Цзи слегка сник:

— Но толку-то? Все ниточки сходятся к тому, что Гора Белого Верблюда как-то связана с Западным Ся. И на этом всё — след простыл.

Само по себе рвение государя лично рыскать по подворотням в поисках улик выглядело верхом нелепости. Император — правитель Поднебесной, верховное руководство. Ему надлежало лишь отдавать приказы, предоставляя грязную работу подчиненным. К чему эти личные подвиги? Это походило на то, как если бы глава транснациональной корпорации заметил ошибку в нумерации слайдов у мелкого клерка, отобрал мышку и принялся сам переделывать презентацию.

Впрочем, странностей у молодого монарха водилось столько, что Чжугэ Чжэнво давно махнул рукой и перестал искать в его поступках хоть какую-то логику. Пытаться понять, где у государя здравый смысл, а где очередная блажь, было делом неблагодарным. Здравым смыслом там и не пахло.

— На самом деле, — заговорил Чжугэ Чжэнво, — в этом деле прослеживаются две независимые нити. Первая, по которой пошла управа Кайфэна, вывела на Банду Денежного Листа, а через нее — на мастеров Горы Белого Верблюда и след Западного Ся. Здесь мы уперлись в глухую стену. Но раз уж это направление завело в тупик, почему бы не взглянуть на дело под другим углом?

Чжао Цзи оживился:

— Под другим углом? О чем ты?

— Задавалось ли Ваше Величество вопросом: с чего бы хозяевам Горы Белого Верблюда натравливать Банду Денежного Листа и тратить огромные средства ради убийства Цуй Мина? Ведь он был всего лишь безвестным, только что вступившим в должность чиновником в чине великого мужа Чэнъань.

Чжао Цзи уловил ход его мыслей:

— Хочешь сказать, разгадка кроется в мотивах преступников?

— Именно так, — подтвердил генерал.

Поначалу Чжао Цзи полагал, будто кто-то просто ставит палки в колеса его реформам образования и пытается сорвать проведение регулярных испытаний. Однако теперь, когда в заговоре оказались замешаны столь грозные силы, эта версия рассыпалась в прах.

Чжугэ Чжэнво задумчиво потерял короткую щетину на подбородке.

— Подобное устранение возможно лишь в двух случаях. Либо несчастный Цуй Мин случайно узнал то, чего ему знать не следовало, либо он сам перегородил кому-то дорогу.

— Будь это случайностью, преступникам пришлось бы действовать в спешке, на ходу замечая следы, — подхватил Чжао Цзи. — Однако всё указывает на холодный расчёт и тщательную подготовку. Они продумали каждую мелочь и заранее подкупили людей в самой управе Кайфэна. Спонтанным такое убийство точно не назовешь.

Выходит, мелкий чиновник действительно стал для кого-то помехой. Но кому и в чем мог помешать скромный великий муж Чэнъань?

Смена угла обзора вдохнула новую жизнь в тупиковое расследование. Если взяться за прошлое Цуй Мина, можно не только прояснить темную историю с недостатками в казенных арсеналах, но и выйти на след его бесследно исчезнувшего тела.

Чжугэ Чжэнво посерьезнел и склонил голову:

— Если Ваше Величество доверит это своему слуге, я прошу дозволения отправиться в Кайфэн и лично заняться поисками тела Цуй Мина.

Генерал преданно любил династию Сун и близко к сердцу принимал благополучие государства. Зная, какая грозная опасность нависла над империей, он просто не мог оставаться в стороне.

Чжао Цзи поднялся с каменной скамьи. Изгибаясь всем телом, словно деревенский лоботряс, решивший проверить, не испачкал ли он штаны на завалинке, император принялся разглядывать подол. Заметив на расшитом драконами шелке серое пятнышко, он пренебрежительно потер ткань пальцами, стряхивая пыль.

Удовлетворившись результатом, он неторопливо обернулся к подчиненным:

— Шэн Яюй. Завтра же возвращайся и начинай подготовку. Распусти слухи о безвестной императорской сестре из престолярды. Совсем скоро я торжественно заберу тебя во дворец.

Шэн Яюй оцепенел. Прошло несколько долгих, тягостных секунд, прежде чем он выдавил из себя:

— Слуга повинует.

Голос его прозвучал отрешенно и глухо — совсем не так, как то яростное обещание проучить

наглеца, которое Чжао Цзи подслушал у грота. Возможно, во всем виновато злорадство, но император явственно ощутил, какими нечеловеческими усилиями Уцину далось это согласие. Едва сдерживая ликующий смех, Чжао Цзи мысленно потирал руки.

Затем он повернулся к старшему из присутствующих:

— Ты ведь сейчас командуешь левым крылом гвардии Юйлинь? Хм... Помнится, еще при жизни покойного государя ты спас ему жизнь. Прими мою признательность, господин Чжугэ.

Сам Чжао Цзи, разумеется, ничего подобного помнить не мог — память о прежней жизни стерлась без следа. Эту деталь он подцепил из прочитанных когда-то романов о Четырех великих сыщиках. Пальцем в небо, но ведь попал!

Чжугэ Чжэнво спорить не стал и лишь смиренно опустил веки:

— Ваше Величество слишком добр к своему слуге. Спасение государя — долг каждого верного подданного.

Император воспользовался моментом, чтобы широким жестом осыпать генерала милостями.

Жаль только, что чиновничьи ведомства не позволяли легким росчерком пера переводить военных на гражданские должности — иначе Чжугэ Чжэнво давно бы уже возглавил управу Кайфэна. Пришлось искать лазейку среди ратных чинов, выбрав место подходнее, с широкими полномочиями и свободой действий.

— В гвардии Юйлинь тебе больше делать нечего, — объявил Чжао Цзи. — Завтра я подпишу указ о твоём назначении на должность главного инструктора восьмисоттысячной императорской гвардии.

Ученик до полусмерти избил монарха, а тот в ответ возвысил его наставника.

В глазах Чжугэ Чжэнво величие юного императора мгновенно выросло на целую голову. Да, манеры государя порой оставляли желать лучшего, но подобное великодушие выдавало в нём задатки истинно мудрого правителя. Раз уж император столь благороден, то и затея с женскими платьями для Лэнсюэ и Уцина наверняка преследовала некие высшие государственные интересы, а вовсе не была мелочной местью, как подумалось сначала.

Завершив этот стремительный сеанс самовнушения, новоиспеченный главный инструктор опустился на одно колено:

— Вечная благодарность Вашему Величеству за величайшую милость.

Чжао Цзи картинно взмахнул широким рукавом расшитого драконами халата и величественно удалился. Троице оставалось лишь созерцать его гордую спину да внимать долетевшему издалека:

— Вольно.

Спектакль был разыгран без единой сучки и задоринки, а уж уход со сцены заслуживал наивысшей оценки. Окрыленный успехом Чжао Цзи мысленно смаковал свой триумф, в красках расписывая восторженные взгляды, которыми новоиспеченные подчиненные должны были провожать своего благородного повелителя.

Как только шаги государя стихли, трое поднялись с земли. В повисшем молчании Лэнсюэ робко моргнул своими разноцветными глазами и озвучил мысль, которую его спутники предпочли бы держать при себе:

— А Его Величество... часом, не забыл умыться?

Ведь когда Лэнсюэ бегал за сухим халатом, он захватил с собой и горячее влажное полотенце, надеясь, что император смоет боевую раскраску. Однако Чжао Цзи, переодевшись, лишь брезгливо вытер руки, даже не прикоснувшись к лицу.

Уцин задумчиво постучал тонкими пальцами по подлокотнику инвалидного кресла.

— Его Величество сумел в одиночку распутать самый сложный заговор Банды Денежного Листа. Наверняка у него есть на то веские причины... — Он замялся. — Должно быть, всё это часть какого-то плана.

Чжугэ Чжэнво в растерянности потеревил куцую бородку. Его тоже одолевали сомнения. Стоило ли догнать императора и шепнуть ему на ухо правду?

Немного поколебавшись, они решили не лезть на рожон. В конце концов, перед ними был не просто юнец, а восемнадцатилетний самодержец Поднебесной. Человек, способный без посторонней помощи раскрыть логово мятежников, подчинить себе чужую волю и заставить грозного разбойника выдать тайные списки заговорщиков, не мог совершать столь глупых ошибок. Наверняка так было нужно.

Увы, преданные слуги слишком переоценили проницательность своего повелителя.

Чжао Цзи банально забыл, как выглядит его собственная физиономия.

Перемахнув через стену, Чжао Цзи пробрался в покои наложницы Го. Сил не осталось даже на привычные ночные медитации для укрепления внутренней энергии — добравшись до постели, он рухнул на подушки и мгновенно провалился в глубокий, беспамятный сон. Безумный побег

из тайного убежища и внезапная трепка от затаившихся в саду гвардейцев выжали из него все соки.

Проснулся он лишь тогда, когда солнце уже высоко стояло над горизонтом.

Разбудило его отнюдь не ласковое щебетание утренних птиц. Покои содрогнулись от истошного, ледящего душу визга наложницы Го:

— А-а-а-а! Ваше Величество! Небо небесное, Ваше Величество, что с вами?!

С трудом разлепив веки, Чжао Цзи натолкнулся на округлившиеся от ужаса глаза Го Чуньлань. Девушка дрожала всем телом, не сводя взгляда с его физиономии.

Императора словно ледяной водой окатило.

«Мое лицо... Я же не смыл грим!»

Внутри у него всё так и замерло от паники, однако терять лицо перед наложницей было недопустимо. Собрав остатки царственного величия, он грозно нахмурился:

— Что за непотребный шум с самого утра? Совсем стыд потеряла?

Го Чуньлань кубарем скатилась с кровати и бросилась к туалетному столику в поисках зеркала. Но едва ее взгляд упал на резную столешницу, по покоям разнесся новый, еще более пронзительный вопль.

— А-а-а-а!

«Какая дрянная девка посмела притронуться к моим белилам и румянам?!»

<http://bllate.org/book/18987/1960850>